

ВИКТОРИЯ ЗАХАРОВА

ОБРАЗ РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ
ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ПЕРВОЙ ВОЛНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ЭССЕИСТСКИХ ЖАНРОВ)

Русская проза Серебряного века отличалась активным обновлением жанровых форм, – особенно это касалось малых жанров эссеистского плана. Обозначалось стремление к созданию произведений «еще не названного жанра», как позднее выразился К. Паустовский относительно романа Ив. Бунина *Жизнь Арсеньева*. Речь идет о стремлении писателей к необычной для литературы прошлых лет свободе самовыражения, не ограниченной определенными жанровыми рамками. В этих новациях художественного сознания главной оказалась идея жанрового синтеза, особенно продуктивно заявившая себя в литературе начала XX столетия.

В данной статье ставится задача рассмотреть, каким отразился образ России в эссеистской прозе русской эмиграции первой волны в 20-е – 30-е годы, после случившегося тектонического разлома жизни страны в связи с революцией и гражданской войной; соотнести их художественное видение с эмигрантской религиозно-философской мыслью.

Можно смело сказать, что такие произведения были созданы буквально каждым из известных художников того времени – Ив. Буниным, Ив. Шмелевым, Б. Зайцевым, А. Куприным, М. Осоргиным, Е. Чириковым и др.

Б.К. Зайцев в известном *Слове о Родине* (1938) писал о восприятии дореволюционной эпохи в восприятии демократической интеллигенции: «Никак нельзя сказать, чтобы у нас, у просвещенного слоя, *воспитывалось* тогда чувство России. Скорее считалось оно не вполне уместным»¹. (Курсив автора). Эмиграция обострила чувство России, определила его место во внутренней «иерархии» душевных святынь: «Среди них бесспорное место, высокое, прочное: Родина. Много видишь теперь о Родине по-иному... чище общетысячелетний облик Родины. Сильней ощущаешь связь истории, связь поколений и строительства и внутренне их духовное, ярко светящееся, отливающее разными оттенками, но в существе своем все то же, лишь вековым путем движущееся: свое, родное»². Этим объясняется свойственный многим мыслителям и художникам эмиграции обобщенно-исторический взгляд на Россию как на *духовно-цельный организм*, способный, несмотря ни на что, в глобальном своем бытии оставаться верным своему национальному естеству, своему высшему Божественному предназначению.

Осмысление прошлого с подобных позиций приводило к закономерному стремлению утвердить значимость *вековых традиций*, питавших «живую жизнь» русской духовности. При этом осмыслялась и *ушедшая государственность*, и *частная жизнь* русского человека. Это очевидно в статье Ив. Бунина *Июния и Китеж*, посвященной 50-летию со дня смерти гр. А.К. Толстого (1925). Ив. Бунин писал: «Толстой называл себя “певцом, державшим стяг во имя красоты”. Он был, как один из его любимейших образов, как Иоанн Дамаскин, “борец за честь икон, художества ограда”»³. На врагов, разрушающих Русь, он, пишет Бунин, «смотрел глазами древней христианской Руси: это воплощение мерзости всего бусурманского, дьявольского, воплощение мерзости не только внешней, но и внутренней. А Красота, Лик были для него воплощением Божеского, того, что творит, устраняет, обладает Искусством (покоряющим бесформенность)»⁴. Свои суждения Бунин подкрепляет цитированием Вл.С. Соловьева, писавшего об А.К. Толстом: «Начало истинного национального строя он находит в киевской эпохе нашей истории... Он мерил благо отечества высшей мерой. И он не ошибался: нам нужно развитие тех христианских

¹ Б.К. ЗАЙЦЕВ, *Слово о Родине*, в: *Русская идея*, Москва: Республика 1992, с. 375.

² Там же, с. 375.

³ И.А. БУНИН, *Июния и Китеж*, в: ТОТ ЖЕ, *Окаянные дни: Неизвестный Бунин*, Москва: Молодая гвардия 1991, с.140.

⁴ Там же.

истинно-национальных начал, что было обещано светлыми явлениями киевской Руси»⁵.

Приводя строки из лирических произведений А.К. Толстого, посвященных древней Руси, Бунин, как и автор приводимых строк, пытался в прошлом увидеть обнадеживающие знаки-символы чаемого будущего: «Конь несет меня лихой, А куда? Не знаю!/ Упаду ль на солончак / Умирать от зною?/ Или злой киргиз-кайсак/ С бритой головою/ Молча свой натянет лук, /Лежа под травой, / И меня догонит вдруг/ Меткою стрелю?/ Иль влечу я в светлый град/ Со Кремлем престольным?/ В град, где улицы гудят/ Звоном колокольным?»⁶.

Заметна активность мифопоэтического мышления писателя. Рождалась мифологема «утерянного рая», получавшая мощное историософское наполнение.

Неомифологизм формировался и в эссеистской прозе Ив. Шмелева. Так, из статьи *Душа Родины* (1924) становится понятно, что для Ив. Шмелева душа своей родины – не только земля, «не символ, не флаг, не строй»⁷. Это тайна, влекущая за собой: «Чуют ее пророки – ее поэты; по ней томятся, за нее отдают себя <...> Она вливается в сердце образами Великих, раскидывается в летописях и храмах, в куполах, в колоколах... В путеводных огнях-маяках видится нам ее Дух-водитель, – Бог ее!»⁸. Однако, печально констатирует автор, те творческие силы, которые всегда помогали народу понять Божью Правду через слова поэта: « – всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя...» – теперь, как цвет, «побиты морозом»⁹. И все же, верит автор, есть и будет «светлая сторона души России!»¹⁰. «Вот, чем она нас вяжет! Града Небесного взыскует, тянется к книге Голубиной»¹¹.

В том, что народ русский, поверив тем, кто послужил «потемкам духа», «проломил с в о и двери» (разрядка автора) и душа его «метнулась к аду», писатель винит и русскую интеллигенцию. Точнее, ту ее часть,

⁵ Там же, с. 141.

⁶ Там же, с. 143.

⁷ И.С. ШМЕЛЕВ, *Душа Родины*, в: ТОТ ЖЕ, *Собр. соч.: в 5 т. Т.2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика*, Москва: Русская книга 1998, с. 434.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 435.

¹⁰ Там же, с. 436.

¹¹ Там же.

которая «от “ума вкусила, поверила только пяти чувствам – и отвергла Бога: сделала богом человека”»¹².

О многих противоречиях русской души, страстной и созерцательной, пишет И.С.Шмелев, – пишет страстно, остро, экспрессивно, его мысль становится всеохватной, русская трагедия, по его представлению, раскрыла страшные вселенские процессы, и слова писателя, сказанные в начале 20-х годов прошлого века, воспринимаются как мощное пророчество: «Вслепую тычется человечество, нет у него основы: ушел от него дух Божий... А величавые перспективы где? Их нет, и слышно, как вздрагивает земля <...> Где нет Бога – там будет Зверь»¹³.

Великий православный писатель убежден: нужно пересмотреть пути и «выбрать верный, что по душе России», а это – путь «Великой Правды, которую не л ь з я нарушить. Христовой Правды»¹⁴. (Разрядка автора).

Однако в те же 1920-е годы И.С. Шмелев с присущей ему экспрессивностью рассуждал о тех *благих* устоях современной ему русской жизни, которые были в естественности своей как бы незаметны, а потому оказались в революционной России забытыми, обреченными на умолчание, а то и вовсе оболганными. Шмелев использует для этого образ-символ, положенный им в заглавие своей статьи – *Драгоценный металл*. Он позаимствован им из одной статьи г-жи Кусковой и полемически переосмыслен. По-Шмелеву, *драгоценный металл* лежит именно в основании жизни «старой» России на рубеже XIX-XX вв.: «Россия богатела, могущества ее страшились. К 1923 г. завершался план всеобщей грамотности. Русская культура шла упорно, непрестанно, как соки под корою... Лучших выдавал народ культуре, срастался с ними... А духовная культура!.. Где было столько приютов, больниц, богаделен, клиник, “странных” домов, – во имя? Во Имя Божие?! <...> Сколько революционеров вышло из даровых жилищ, вскормилось на стипендии “дающих”?!.. А верстовые корпуса “домов” – вдовьих, воспитательных? Целые улицы тянулись... А храмы по России? ... Все шло неслышно, величаво, как русская великая река. Без перебоев, мерно. Куда спешить? Долго жить России, еще увидят. Зачем шуметь? О Божьем деле не кричат»¹⁵. Завершая свой страстный монолог,

¹² Там же, с. 437.

¹³ Там же, с. 439, 442.

¹⁴ Там же, с. 440.

¹⁵ ТОТ ЖЕ, *Драгоценный металл*, в: ТОТ ЖЕ, *Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика*, Москва: Русская книга 1998, с. 474.

И.С. Шмелев убеждал читателя: «Подлинная драгоценность есть – Россия, в недрах... В нее мы верим, ею грезим»¹⁶.

Как видим, думы о развитии духовных устоев русской государственности в их многовековом *течении* зачастую приводили автора к внутренней соотнесенности этого движения с онтологическим топосом *реки*. Такое художественное мышление родственно представлениям о *прорастании* положительных начал жизни, рождающим мифологему *древа жизни* у других авторов.

Так, Ив. Бунин в цитированном очерке памяти А.К. Толстого писал о существовании в творческом феномене писателя *воспоминания* как мистического прозрения, озарения: «...употребляю это слово, конечно, не в будничном смысле, – живущее в крови, тайно связующее нас с десятками и сотнями поколений наших отцов, живших, а не только существовавших, воспоминание это, религиозно звучащее во всем нашем существе, и есть поэзия, священнейшее наследие наше, и оно-то делает поэтов, сновидцев, священнослужителей слова, приобщающих нас к великой церкви живых и умерших. Оттого-то так часто и бывают поэты так называемыми «консерваторами», т.е. хранителями, приверженцами прошлого. И оттого-то так священны для них традиции и оттого-то они и враги насильственных ломок *растущего древа жизни*»¹⁷. (Курсив мой. – В.З.).

Такие взгляды Ив. Бунина сопоставимы с представлениями о С. Булгакова, писавшего несколько позднее, в очерке *Моя родина* (1938): «Родина есть священная тайна каждого человека, так же, как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он чрез лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан чрез родину и с матерью-землей и со всем Божиим творением»¹⁸. В эмиграции чувство разрыва с родиной вызвало глубокие размышления, сердцевиной которых является это представление о сакральности понятия «родина» для каждого человека и его глубочайшей связи с ней, несмотря ни на что: «Там я не только родился, но и зародился в зерне, самом своем существе, так что вся дальнейшая моя такая ломаная и сложная жизнь есть только ряд побегов на этом

¹⁶ Там же, с.475.

¹⁷ И.А. БУНИН, *Июния и Китеж...*, с. 148.

¹⁸ С.Н. БУЛГАКОВ, *Моя Родина*, в: *Русская идея*, Москва: Республика 1992, с. 364.

корне. Все, все мое – *оттуда*. И умирая, возвращусь – *туда же*, одни и те же врата – рождения и смерти»¹⁹. (Курсив автора).

Публицистика русской эмиграции свидетельствует, что *феномен духовности русской жизни воспринимался как одна из важнейших составляющих мифологемы «утраченного рая»*: российская жизнь в ее органической тысячелетней духовной цельности и могла породить этот феномен.

Поскольку речь шла о самом сокровенном для человека, то оправданной становилась *сюжетообразующая роль лирического начала* в очерке о. Сергия Булгакова. Поэтически-трепетны слова о. Сергия Булгакова о родной земле: «Моя родина, носящая священное для меня имя *Ливны*, небольшой город Орловской губернии, – кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его – нагорье реки Сосны –, не блещет никакими красотами <...> Однако она не лишена того, чего не лишена почти всякая земля в нашей средней России: красоты лета и зимы, весны и осени, закатов и восходов, реки и деревьев. Но все это так тихо, просто, скромно, незаметно и – в неподвижности своей – прекрасно. То, что я любил и чтил больше всего в жизни своей – некричащую, благородную скромность и правду; высшую красоту и благородство целомудрия, – все это мне было дано в восприятии родины. И ей свойственна также такая тихость и ласковость, как матери. Она задушевна, как русская песня и, как она исполнена поэзии музыки...Она *робко напоминает*... о потерянном рае, о той надмирной обители, откуда мы пришли сюда...»²⁰. (Курсив автора).

Как видим, чувство родины вписано С.Н. Булгаковым в парадигму вечных нравственных ценностей, для восприятия которых человек пришел в мир, и мифологема «потраченного рая» в его тексте вбирает в себя и пронзительные индивидуально-значимые для автора составляющие, и национально-ментальные, и христиански-общечеловеческие.

У Булгакова же мы встречаемся с мыслью о глубочайшей ценности ушедшей семейной духовной жизни: «Мое великое богатство, особое благословение Божие было не только в том, что я родился и вырос под кровом двух храмов и на лоне нежной, смиренно-целомудренной природы, но и в семье православного священника, в атмосфере дома-храма, как будто продолжавшего собою храм»²¹.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 365.

²¹ Там же, с. 369.

О значимости духовной традиции русской семейной культуры в эмиграции размышляли немало. Видный философ, богослов, литературовед, культуролог Н.С. Арсеньев написал большой труд *Из русской культурной и творческой традиции* (1958), в котором есть, в частности, такие суждения, высказанные в мифопоэтическом ключе, близком писателям-эмигрантам: «Красота и уют и внутренняя теплота патриархальной семейной жизни – какое это богатство. Как целый мир духовных и душевных ценностей раскрывается здесь в этом семейном тепле, в этой насыщенности культурной традицией, в этой живой связи с живым миром прошлого. В этой тихой и неуклонной динамике юного и нового, вырастающего из этих старых корней, питающихся теми жизненными источниками, что текут в этом тихом мире семейной традиции, вдохновляющейся из них»²². Одним же из основных стержней жизни семьи Арсеньев считал «принцип “Отечества”», когда «перед взором возникал образ иного, непреходящего Дома, дома Отца, в котором «обитатели многи суть»: «...отец и мать искали последней, решающей точки опоры для себя и для детей в... “Отечестве” небесном, к нему направляли взоры своих детей»²³. (Курсив мой. – В.З.).

Проблема соотнесенности земного и Небесного Отечества была близка и Б.К. Зайцеву. На избранном материале его публицистики 1920-х-1930-х годов рассмотрим своеобразие постижения писателем глубинных основ национальной жизни, духовных причин произошедшей трагедии, – а именно в этих координатах всегда и осмыслял Зайцев бытие.

Дума о судьбе России и в те, первые горькие годы изгнанничества, и позднее, всегда была связана для него, в первую очередь, с русской святостью. В его очерках мы встречаем целый ряд портретов, – иногда лишь лаконичным абрисом данных, иногда крупным планом представленных, – священнослужителей русской православной церкви: и зарубежной, и отечественной. Среди них особенно выделяется очерк *Венец Патриарха*, посвященный св. патриарху Тихону (опубликован был в рижском журнале *Перезвоны* в 1926 г., в дни годовщины смерти Святейшего). Как верно замечено А.М. Любомудровым, смысл этого очерка в утверждении предрешенности победы России в непримиримой вселенской битве, ибо «Россия, по мысли Зайцева, останется недоступной для

²² Н.С. АРСЕНЬЕВ, *Из русской культурной и творческой традиции*, Лондон: 1992, с. 15.

²³ Там же, с. 52.

самых яростных врагов, если только будет прибегать к этой защите – Животворящему Кресту, «победе непобедимой»²⁴.

Писатель рассуждает о жизненном подвиге святителя: «Не тому, кого смолоду называли Патриархом, устрашиться Лубянки»²⁵. Патриарх принял, как известно, решение подвига более будничного, менее видного, чем мученический венец: «...подвига, точно бы подвигом и не кажущегося. Подвига ежедневной, упорной и тихой борьбы...»²⁶. «Верим, – утверждает Б. Зайцев, – что в конце концов побеждает праведность... Патриарх Тихон отошел естественной смертью, но его образ, тоже в терновом венце, принял уже легендарные размеры. “Тихонова церковь”, – называют даже враги его именем независимое и гонимое Православие»²⁷.

Особую гордость и надежду испытывает писатель, глядя на лица молодых церковнослужителей на фотоснимке, запечатлевшем прощание с Патриархом. Их одухотворенные лица поразили его: «Ясно, что вспышка магния дала свой эффект. Но не магний дал силу и крепость и выражение лицам, некоторые из которых прямо прекрасны. Нет, как дуновение херувимских крыл, которыми одевают юноши отошедшего Вождя, так Дух Света и Любви животворит всю группу... Молодая Россия! Крепче, духовнее, пламеннее нас, наша надежда и вера – провожает Святителя»²⁸.

В зайцевских очерках заметна лирическая составляющая стиля, – она выполняет важную нагрузку. Как Шмелев своей экспрессией стремился выразить и свое отношение к изображаемому, и заразить ею читателя, – так и Зайцев, в своем духе, своем стилевом ключе, пробивается к сердцу читателя: его тихая лирическая интонация к финалу очерка становится все громче, все ярче, соотнося реально увиденное прекрасное *земное* с *Небесным*.

Покажем это еще на одном примере. Своеобразной параллелью к «групповому портрету» цитированного очерка является портрет служителя русской православной церкви на чужбине, отца Иакова, тоже написанный в память его кончины. Писатель вспоминает чтение им в Чистый Четверг Двенадцати Евангелий, – что осуществлялось из года в год. «Какое рус-

²⁴ А.М. Любомудров, *Просветляющее страдание*, в: *Зайцев. Знак Креста. Роман. Очерки. Публицистика*, сост., вступ. ст. и коммент. А.М. Любомудрова, Москва: Паломникъ 1999, с. 32.

²⁵ Б.К. Зайцев, *Венец Патриарха*, в: *ТОТ ЖЕ, Русская идея...*, с. 368.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 369-370.

²⁸ Там же, с. 370-371.

ское лицо! – восхищается им Зайцев. – Россия так навсегда и осталась в выцветших небольших глазах его, в бровях, в скулах – во всем облике»²⁹. Через образ старенького русского священника, через текст Священного Писания, проникновенно комментируемый автором, необычайно тонко поэтизируется красота Евангельской Истины, особенно трепетно воспринимаемая русской душой на чужбине: «...Евангельское повествование течет, весенний день течет, переходя в вечер, такой же он сиренево-прозрачный и в Париже, каким был в Москве, с набухающими почками, первую апрельской зеленью – день Чистого Четверга, незакатного света, день грусти, сострадания, света и надежды!.. Самый воздух его духовен, это день сизокрылый, день-голубь. Четверговая свеча есть Дух <...> мы расходимся по домам, неся эти свечи зажженными...как носили когда-то по переулкам Москвы. Мы несем облик Духа, стережем, любим его, как любим, чтим Дух в голосе, слабом всхлипывании, слезе о. Иакова, годы нам читавшего о Страстях, годы ведшего свой путь к Вечности»³⁰.

Для Б.К. Зайцева, как и для Ив. Шмелева, всегда было болезненно вспоминать, что его молодость в России, как и молодость многих русских интеллигентов, прошла в равнодушии к религиозной жизни. Это чувство вины для многих было неизбежно не только в плане личном, но и в отношении вины перед своим народом, перед родиной в целом, ибо именно в эмиграции стала пронзительно ясна цена потери. Среди публицистических произведений Б. Зайцева, в которых эта мысль доминирует, выделяется очерк *Около св. Серафима (К столетию его кончины)* (1933).

Отец Б.К. Зайцева некоторое время управлял Балыковским металлургическим заводом, расположенным в городке Илеве в четырех верстах от Сарова. Писатель сокрушается: «Явное наше тогдашнее мироощущение можно бы так определить: это все для полуграмотных, полных суеверия, воспитанных на лубочных картинках. Не для нас»³¹.

Теперь же, из далека прожитых на чужбине лет, Зайцев любовно воспроизводит облик св. Серафима Саровского, каким он представляется ему по опубликованным воспоминаниям людей, знавшим великого старца, и стремится выделить в нем те национальные черты, которые определили его великое значение для России. «Слово “Серафим”, – пояс-

²⁹ Тот же, *Двенадцать евангелий*, в: Тот же, *Русская идея...*, с. 387.

³⁰ Там же, с. 391.

³¹ Тот же, *Около св. Серафима (К столетию его кончины)*, в: Тот же, *Русская идея...*, с. 374.

няет он, – значит “пламенеющий”, “сжигающий”. Святой, носивший имя это в Сарове, был глубоко русский, корневой человек из купеческой семьи <...> был как будто бытовым и простонародным явлением Александровско-Николаевских времен... Оболочка несла в себе духовное существо – раскаленный, белый свет Любви. Им-то вот он и сжигал! Как вокруг солнца, была вокруг него сияющая газовая атмосфера с протуберанцами. Этот дар – дар Духа Святого, стяжание которого почитал Преподобный целью христианской жизни»³².

И, если бы люди, рассуждает писатель стремились к стяжанию Святого Духа, «жизнь была бы иной и не требовала бы грозного суда»³³. Однако, хотя суд и свершился, надежды писателя связаны с тем, что Преподобный теперь «вознесен еще выше. Ослепительный его серафический белый свет еще слепительней», а «издали, с чужой, бездомной земли» он становится ближе русским людям, «некогда его не прославившим»³⁴.

Заметно, что в этом очерке Зайцев прибегает к экспрессивной стилистике, в целом ему не свойственной, но в данном случае служащей более эмоциональной передаче своего восхищения св. Серафимом Саровским. И очерк становится по сути маленькой поэмой в прозе.

Во многих своих произведениях Б.К. Зайцев был верен своему неизменному стремлению писать о многообразных проявлениях русской святости как о беспорном идеальном воплощении образа России.

Е.Н. Чириков, автор многогранного художественного наследия, и до революции, и впоследствии в эмиграции много размышлял об истоках национального характера, об интеллигенции и народе. Образ России им постигался через проникновенное осмысление *души народной*.

Ярким примером может служить его предисловие к оригинальному произведению *Красота ненаглядная*, имеющему подзаголовок: *Русская сказка-мистерия* (1924). Это предисловие под названием *О душе народа* вполне может восприниматься как самостоятельное публицистическое произведение, заслуживающее специального внимания, – тем более, что сам автор назвал его «статья-предисловие». Вкратце об этом нами уже упоминалось³⁵.

Мысли, высказанные писателем здесь с публицистической остротой и страстностью, кореллируют со многими суждениями, характерными для

³² Там же, с. 384-385.

³³ Там же, с. 387.

³⁴ Там же, с. 388.

³⁵ См. об этом: В.Т. ЗАХАРОВА, *Фольклорные легенды и предания в художественном осмыслении Е.Н. Чирикова*, в: *Карповские чтения: сб.ст.*, Арзамас: АГПИ 2007, с. 179-185.

его художественных произведений. А таковых, посвященных осмыслению характеров и судеб людей из народа, у Чирикова к тому времени было создано уже немало. Пройдя в юности опыт участия в революционной деятельности, а затем разочарования в ней, после пребывания в тюрьмах и ссылках, писатель хорошо понял, насколько цели революционеров чужды деревенскому люду. Об этом он расскажет и в своей автобиографической трилогии *Юность Тарханова*.

В статье-предисловии Е.Н. Чириков окидывает взором «чудный храм нашей литературы», который был построен «колоссами национального гения» от Пушкина до Толстого и «целиком зиждится на любви и вере в свой народ»³⁶. Размышления же автора об отношении интеллигенции к народу в начале XX века исполнены боли и недоумения: «В годы ужасов и кровавых кошмаров революции и братоубийственной войны мы, люди «малого мира», культурного, стали терять веру не только в себя, но и в свой народ. Появилось множество прокуроров, обвиняющих народ в жестокости и зверствах, которыми сопровождалась и сопровождается наша революция <...> самая душа русского народа втоптана в грязь!»³⁷. Между тем, Е.Н. Чириков считал, что «вопрос о народе, о душе его – самый значительный, самый трепетный и страшный вопрос... В нем наше национально-государственное «быть или не быть?»³⁸.

Писатель верно полагал, что кровавые эпохи не отражают всей истины о душе народной. В частности, имея ввиду эпоху революции и гражданской войны Е.Н. Чириков старается оправдать народные проявления жестокости страшным периодом мировой бойни, в которой миллионы людей долгое время пребывали в ненормальной возбужденности, величайшем душевном напряжении, – поэтому они, считает писатель, заслуживают всяческого снисхождения.

Вновь обращаясь к «храму русской литературы», на примерах творчества и публицистических высказываний Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, примеров из национальной музыки и живописи, писатель убеждает, что подлинная душа народа отражается именно в национальных гениях искусства.

Однако самым важным приоритетом в этом плане для Чирикова является народное творчество. Поэтически-проникновенно пишет автор об

³⁶ Е.Н. Чириков, *О душе народа*, в: ТОТ ЖЕ, *Красота ненаглядная. Русская сказка-мистерия в пяти картинах*, Берлин: Изд. «Ольга Дьякова и Ко» 1924, с. 5.

³⁷ Там же, с. 13-14.

³⁸ Там же, с. 14.

укорененности русских народных сказок, песен, легенд и преданий в религиозном мировосприятии с неизменной верой в «Правду Божию» и ее торжество. «И в этих мечтах, – уверен писатель, – мы должны прозревать идеальные устремления русской души, ее устремления к высшей правде и справедливости и ее веру в конечное торжество света над тьмою»³⁹.

На примере легенды *О граде невидимом Китеже* Чириков замечательно высвечивает эти «идеальные устремления», а на предлагаемые вопросы своих оппонентов о допущенных народом кощунстве над церковью, писатель отвечает: «Размах греха и покаяния, кощунства и религиозного подвига – у русского человека одинаково велики... И всегда за страшным падением следует покаяние и новый порыв к небесам»⁴⁰. С этими качествами народной души и связывает Е.Н. Чириков свои надежды: «Пройдет гроза и буря, – море снова успокоится и засияет солнечными улыбками, засверкает красками и снова отразит Бога в своих тихих глубинах!...»⁴¹.

Так предисловие к пьесе стало ярким публицистическим произведением, синтезирующем различные жанровые качества: и стиль острого фельетониста, каким был Чириков, и меткие историко-литературные экскурсы, и лирическую мелодию авторской интонации, и фольклорно-мифопоэтическую доминанту.

Итак, подводя краткие итоги, заметим: стремление дать свое представление об образе России не только в художественных произведениях, но и в эссеистических жанрах, было свойственно многим деятелям русской эмиграции. Это был один из ключевых вопросов в осмыслении причин осуществившейся в стране трагедии. На избранных нами примерах обнаруживается, – при всем различии индивидуально-авторского философско-художественного мировосприятия, – несомненная общность. Она заключается в уверенности авторов, что истина в постижении этого вопроса может быть обнаружена только с православно-религиозных позиций, ибо самое сокровенное знание о русской душе – это ее искание Бога.

Приведенные примеры свидетельствуют и о том, насколько талантливо-многогранна была эмигрантская эссеистика. Ее жанровые модификации отличались в каждом случае оригинальным художественным синтезом, обусловленным глубоким интересом к субстанциональным началам национального бытия, к духовному естеству русской жизни.

³⁹ Там же, с. 19.

⁴⁰ Там же, с. 24.

⁴¹ Там же, с. 25.

Подчас статья становилась глубоким философским произведением, дневниковая запись – важным итоговым размышлением о сущностных проблемах, предисловие к пьесе – историко-философским трактатом о национальном характере. При этом включались и другие жанровые составляющие: активно выступали символические образы, звучали подтекстово-ассоциативные мотивы, сюжетообразующие функции выполняло лирическое начало. Особенно значимую роль играла мифопоэтика. В глубокой соотнесенности с общекультурными, общенациональными культурными мифологемами, сакральными топосами: *мирового древа жизни, дома (как Отечества, Дома отца Небесного и как природного материнского лона; семейных устоев дома-храма), реки, книги, колокольного звона, драгоценности и др.* – утверждались в сознании читателей *идеальные начала национального бытия* как в макрокосме многовековой истории, так и в микрокосме человеческой жизни, являвшие, по мнению авторов, некий феномен цельности национальной жизни.

В целом можно сказать, что апелляция к идеальным началам прошлого в конечном счете служила делу будущего национального мироустройства, долженствующего, по их представлениям, впитать в себя животворные соки духовных ценностей своей страны.

ОБРАЗ РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ПЕРВОЙ ВОЛНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭССЕИСТСКИХ ЖАНРОВ)

Р е з ю м е

В данной статье ставится задача рассмотреть, каким отразился образ России в эссеистской прозе русской эмиграции первой волны в 20-е – 30-е годы; соотнести художественное видение писателей с эмигрантской религиозно-философской мыслью. Обосновывается положение, насколько талантливо-многогранна была эмигрантская эссеистика: ее жанровые модификации отличались в каждом случае оригинальным художественным синтезом, обусловленным глубоким интересом к субстанциональным началам национального бытия, к духовному естеству русской жизни. Подчас статья становилась глубоким философским произведением, дневниковая запись – важным итоговым размышлением о сущностных проблемах, предисловие к пьесе – историко-философским трактатом о национальном характере. При этом включались и другие жанровые составляющие: активно выступали символические образы, звучали подтекстово-ассоциативные мотивы, сюжетообразующие функции выполняло лирическое начало. Особенно значимую роль играла мифопоэтика.

OBRAZ ROSJI W UJĘCIU PISARZY ROSYJSKIEJ ZAGRANICY
„PIERWSZEJ FALI”
(NA MATERIALE TEKSTÓW ESEISTYCZNYCH)

S t r e s z c z e n i e

Celem podjętych w artykule rozważań było przedstawienie, jak ukazany został obraz Rosji w eseistyce emigracji rosyjskiej „pierwszej fali” lat 20.-30. XX w., także w jego odniesieniu do rosyjskiej myśli religijno-filozoficznej. W rozważaniach unaocznione jest przekonanie o różnorodności i wysokim poziomie artystycznym tekstów eseistycznych pisarzy emigracyjnych. Odnaczały się one gatunkową modyfikacją, oryginalnie przedstawioną syntezą artystyczną, głębokim wnikaniem w substancję bytu narodowego oraz duchową istotę życia rosyjskiego. Artykuł-esej bardzo często był dziełem filozoficznym o głębokich treściach, zapisem wspomnieniowym, podsumowującym i syntetycznym rozmyśleniem o istotnych kwestiach narodowych, bądź słowem wstępnym do sztuki czy traktatem historyczno-filozoficznym rozważającym narodowy charakter rosyjski. Spotykane były również inne środki stylistyczne: symboliczne obrazy, motywy tekstualno-asocjacyjne, zabiegi ulirycznienia. Dużą rolę odgrywały ponadto funkcje mitopoetyckie.

RUSSIA'S IMAGE IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN WRITERS ABROAD
THE FIRST WAVE
(BASED ON THE WORKS OF THE ESSEIST GENRES)

S u m m a r y

This article seeks to address, which reflected the image of Russia in the genres related to essay in the prose of the Russian emigration of the first wave in the 20 – 30-ies; to relate the artistic vision of the artists with the emigrant religious-philosophical thought. It is proved how talented multi-faceted were the emigrant essays: its genre modifications differed in each case, the original artistic synthesis, caused by a deep interest in the substantive basis of national life, to the spiritual nature of Russian life. Sometimes article becomes deep philosophical works, diary entry – an important final reflection on the essential issues, preface to the play of historical and philosophical treatise about the national character. In this case includes other genre elements: actively promoted symbolic images, sounded the implied-associative motives, plot-function performs lyrical. Particularly important role played mythopoetics.

Ключевые слова: эмиграция, проза, эссе, жанровый синтез.

Słowa kluczowe: emigracja, proza, esej, synteza gatunkowa.

Key words: emigration, prose, essay, genre synthesis.